

Убийство на дуэли

Автор:

[Александр Арсаньев](#)

Убийство на дуэли

Александр Арсаньев

Бабушкин сундук #4

Да, дорогой читатель, это снова я – ваш покорный слуга Александр Арсаньев. Я покорно выполняю данное мною ранее обещание и продолжаю описывать те события, которые происходили в жизни моей далекой, но такой полюбившейся мне родственницы – Екатерины Алексеевны Арсаньевой. Именно благодаря ей, или вернее, оставленному ей наследству я снова почувствовал вкус к жизни, так как к этому времени я уже начал подумывать о том, что жизнь моя не удалась, и неплохо бы было свести с ней счеты. И вот оно, неожиданное спасение.

Смею напомнить, что наследство это вовсе не большое, как сначала можно подумать, и особой материальной ценности оно, в общем-то, не представляет. Старый, но достаточно крепкий дом, куча старинных безделушек и древний сундук, набитый рукописями, дневниками, фотографиями – это все, что оставила мне моя давно умершая тетушка. Однако именно эти записи и стали объектом моего величайшего интереса и кропотливого изучения. Кто бы мог подумать, что тетка моя – образованная для своего времени молодая вдова, в ту пору, то есть почти полтора века назад, занималась, если перевести это на современный язык, буквально частными расследованиями, то есть попросту была сыщиком.

Александр Арсаньев

Убийство на дуэли

* * *

Да, дорогой читатель, это снова я – ваш покорный слуга Александр Арсаньев. Я покорно выполняю данное мною ранее обещание и продолжаю описывать те события, которые происходили в жизни моей далекой, но такой полюбившейся мне родственницы – Екатерины Алексеевны Арсаньевой. Именно благодаря ей, или вернее, оставленному ей наследству я снова почувствовал вкус к жизни, так как к этому времени я уже начал подумывать о том, что жизнь моя не удалась, и неплохо бы было свести с ней счеты. И вот оно, неожиданное спасение.

Смею напомнить, что наследство это вовсе не большое, как сначала можно подумать, и особой материальной ценности оно, в общем-то, не представляет. Старый, но достаточно крепкий дом, куча старинных безделушек и древний сундук, набитый рукописями, дневниками, фотографиями – это все, что оставила мне моя давно умершая тетушка. Однако именно эти записи и стали объектом моего величайшего интереса и кропотливого изучения. Кто бы мог подумать, что тетка моя – образованная для своего времени молодая вдова, в ту пору, то есть почти полтора века назад, занималась, если перевести это на современный язык, буквально частными расследованиями, то есть попросту была сыщиком.

Однако не нужно думать, что Екатерина Алексеевна Арсаньева была таким Пуаро в юбке. Ничего подобного. Эта женщина, помимо своей, если можно так сказать, несвойственной женщинам тех времен страсти в раскрытию преступлений, была по-настоящему светской дамой, со всем набором достоинств при ее достаточно высоком общественном положении.

Екатерина Арсаньева никогда не бедствовала, или даже в чем-нибудь нуждалась. К тому времени, когда ей исполнилось 27 лет, а если быть точнее, то к 1857 году, моя родственница уже успела приобрести статус довольно обеспеченной молодой вдовы с вполне приличным для середины девятнадцатого века образованием и отличными манерами.

Вероятно, те, кто не читал ранее воспроизведенных мною романов Екатерины Арсаньевой, захотят узнать, откуда у моей бабушки появилась тяга к такому, мягко говоря, неженскому занятию. Да все очень и очень просто. Дело в том, что покойный муж моей бабушки до своей смерти был старшим следователем губернской уголовной полиции. Именно от него Катенька, как он ее сам называл,

и заразилась этой неодолимой тягой к выявлению и наказанию самых отвязанных преступников. Сам Александр Арсаньев – муж Екатерины Алексеевны (не в его ли честь меня назвали?) – по словам тетушки, безумно любил ее и всегда отдавал должное присущим ей незаурядному уму и талантам, часто советовался с ней по служебным делам и не стеснялся делиться возникающими в ходе следствий головоломками. И Катенька, естественно, сторицей воздавала ему за такое внимание, внимательно вникая во все уголовные дела и пытаясь вместе с мужем разобраться в них.

Вот почему после смерти своего так горячо любимого супруга Екатерина Арсаньева уже довольно неплохо разбиралась в уголовных делах, умела мыслить не только последовательно, но и выстраивала целые логические цепочки для раскрытия преступлений. Именно эта способность и помогла молодой вдове выявить всю правду о своем муже, так как на поверку оказалось, что он не умер от горячки на постоялом дворе, как констатировал местный доктор, а был убит, а вернее, отравлен врагами, которые, помимо этого, расправились еще и с другом Александра Арсаньева – Павлом Синицыным. Как говорят, одно преступление непременно потянет за собой другое, так и в этом случае, оказавшемся для Катеньки ее первым делом, убийство Арсаньева и Синицына повлекло за собой целый ряд преступлений. А корни всего этого были так глубоки, что доходили аж до самого губернатора А. Д. Игнатьева, оставившего о себе память как человеку нечистом на руку и склонном к преступным делам.

Но, как говорится, хорошо то, что хорошо кончается. Екатерина Алексеевна с помощью немногочисленных друзей все-таки сумела по узелку развязать этот невероятно запутанный клубок преступлений. Преступники оказались наказанными если не властями, то Господом Богом, а Катенька узнала всю правду о гибели своего мужа и его друга.

Прошу простить меня за это отступление, но оно просто необходимо для тех, кто не читал предыдущих книг. К тому же, как я уже и говорил, это расследование было первым делом, за которое взялась моя тетушка. Именно в нем Екатерина Алексеевна впервые выступила в роли сыщика, чем и занималась всю свою последующую сознательную жизнь.

Так вот, не прошло и нескольких месяцев, как Катенька оказалась волею судьбы втянута в новую историю. Именно этой истории она и посвятила свой третий роман.

Однако давайте поподробнее. Когда я перечитал третий роман своей тетушки, то при изложении его решил немного сократить то, с чего все это начиналось. Да, люди девятнадцатого века просто обожали, как говорится, мараť огромное количество бумаги подробными описаниями событий, происходивших в их жизни. Екатерина Арсаньева не была исключением. Так она поступила и в этот раз.

Поэтому, на правах ближайшего ее родственника и теперь уже редактора ее рукописей, я позволил себе передать собственными словами начало следующей истории, прежде чем перейти непосредственно к представляющим наибольший интерес для читателя событиям.

А заварила все близкая подруга моей тетки, о которой я упоминал в прошлых книгах. Звали ее Шурочка. Судя по оставленным Екатериной Арсаньевой описаниям, Шурочка была чуть моложе моей родственницы. Хорошенькая, умненькая, с по-детски миловидным личиком, она, тем не менее, обладала всеми достоинствами, какие должны были быть у молодой, незамужней и очень состоятельной дамы в середине девятнадцатого столетия, а именно: была довольно умна, начитана, знала несколько европейских языков, впрочем, так же, как и моя тетка, разбиралась в музыке и театре.

Так вот, эта самая Шурочка в самом конце августа 1857 года вдруг неожиданно для всего светского окружения города Саратова собралась замуж. Но начнем все по порядку. Хочу вас заранее предупредить, что я воспроизведу только самые главные моменты начала рукописи Катеньки Арсаньевой. Остальное же я попробую пересказать своими словами, чтобы не занимать много времени и бумаги подробностями, которые так любила обожаемая мною с недавних пор родственница.

А теперь прошу у вас прощения и приступаю непосредственно к изложению. До скорой встречи.

Глава первая

Август 1857 года здесь, в Саратове, выдался необычайно жарким, несмотря на то, что лето уже подходило к концу. Да впрочем, и все лето никак нельзя назвать прохладным. Зной стоял весь июль, а теперь перекинулся и на август.

Бог мой, кто бы мог подумать, что человек способен выдержать такую пытку. Ни ветерка, ни одного облачка на небе. Все людское население Саратова, не говоря уже о собаках и кошках, просто изнывало от жары, не зная, куда себя деть от безжалостно палящего солнца. Никто не ездил друг к другу в гости, так как все старались отсиживаться по своим домам, где все еще сохранялось хоть какое-то ощущение прохлады.

Обо всем этом мне поведала Алена, моя горничная, так как меня самой все лето в Саратове попросту не было, поскольку я проживала в имении в Хвалынском уезде, которое досталось мне от моего мужа Александра Арсаньева.

И вот к самому концу этого невыносимо долгого знойного месяца жара, наконец, начала спадать. И вслед за этим из своих загородных имений начало возвращаться все дворянское сословие. Вот и я, так же, как и люди моего круга, как только наступила прохлада, вернулась из благодатной обители своей усадьбы во все еще пыльный и душный город.

Не успела я распаковать вещи да отдать приказ Алене приготовить мне хороший ужин, как в мой дом заявила моя подруга Шурочка, которая, в отличие от меня, никуда не уезжала, а все это время жила в Саратове. Шурочка всегда просто ненавидела деревенскую жизнь, и всем благам, какие только существуют в типичной барской усадьбе, предпочитала беспокойное, постоянно наполненное всевозможными событиями проживание в городе. Так что неудивительно, что она знала практически все городские новости, которыми незамедлительно начала осыпать мое все еще не пробудившееся для городских дел сознание.

Мне пришлось выслушать бесконечный поток жалоб на жару, сведений о рождении первенца у князя Волкова, смерти старой графини Опкинской, а также о новой постановке в театре, которая будет представлена в нынешнем сезоне.

Наконец, она дошла и до главной новости, ради которой, собственно, явилась ко мне, как только узнала о моем приезде.

– Нынче княгиня Колотская прием устраивает, – томно произнесла она, обмахиваясь кружевным платочком. – Катенька, ты непременно должна быть там вместе со мной.

– Прием? – я была очень удивлена. – Но я еще не получала никакого приглашения. Или, может быть, за мое отсутствие здесь изменились все понятия о приличиях?

Не успела я произнести последнее слово, как в дверь заглянула Алена.

– Барыня, тут вам приглашение, – она протянула мне тонкий пахнувший лавандой конверт.

Я приняла послание и поспешно разорвала тонкую бумагу. Приглашение было на прием в дом княгини Колотской, где, по словам хозяйки, собирались представители почти всех дворянских семейств Саратова.

– Вот видишь. Что я говорила? – победно улыбнулась Шурочка. – Скажу тебе по большому секрету, что княгиня на этом приеме намерена представить своего дальнего родственника. Он-то и будет главной новостью. Говорят, весьма симпатичный молодой человек, князь. Если верить слухам, то он очень умен и состоятелен. Отец оставил ему огромное наследство...

Честно говоря, я слушала свою подругу вполуха, и только воспитание не позволяло мне оборвать ее на полуслове. Тем не менее, мне не хотелось ехать ни на какой прием. Единственным моим желанием в этот момент было побыть в тишине и покое хоть несколько ближайших дней.

Вот здесь, уважаемый читатель, позвольте мне вмешаться, так как далее начинается долгое и, возможно, утомительное для вас описание разговора о том, как долго уговаривала Шурочка Катеньку поехать на прием, и последняя, не желая обидеть подругу, все же дала свое согласие.

На приеме уже пожилая княгиня Анна Вениаминовна Колотская действительно представила светскому обществу Саратова своего протеже – князя Владимира Георгиевича Волевского. Первое впечатление от встречи с этим человеком не оставило в душе моей родственницы какого-то особенно яркого следа. Мало того, хотя Волевский и показался Катеньке Арсаньевой весьма приятным

молодым человеком, и она отмечает в своих записях, что при разговоре с князем Волевским обнаружилось его незаурядное остроумие, но в общем впечатление о нем складывалось как о человеке скрытном и мало распространяющемся о своей личной жизни. Он ничего не говорил о своих увлечениях, о своих политических взглядах, хотя это было очень модно в те времена. В общем, о нем никто практически ничего не знал.

Известно было только то, что покойный отец оставил ему имение где-то недалеко от Вольского уезда, в селе Синодском, да дом в Саратове на Дворянской улице, как раз недалеко от дома его дальней родственницы по материнской линии княгини Колотской.

Совершенно противоположного мнения о князе держалась Шурочка, которой Волевский почти с первых же минут знакомства начал оказывать недвусмысленные знаки внимания. Проще говоря, Шурочка просто влюбилась в Волевского с первого взгляда. По всей видимости, любовь эта оказалась взаимной, так как, к вящему изумлению Катеньки, через три недели после приема счастливая Шурочка буквально принеслась в дом Арсаньевой и с горящими от счастья глазами сообщила, что нынче князь сделал ей предложение руки и сердца, и она приняла его.

Сколько ни уговаривала Катенька свою подругу не спешить и немного повременить с таким скоропалительным решением, Шурочка и слышать ничего не хотела. Но, согласитесь, моя тетка в своих увещеваниях действительно была права, особенно, если учесть, что в середине девятнадцатого века свадьбы не принято было играть так быстро и поспешно, как происходит это в наши дни. Тогда было принято долгое ухаживание, потом следовало напыщенное предложение, помолвка, и только за этим происходило венчание. Однако еще раз упомяну, что Шурочка так же, как и Катенька Арсаньева, была довольно современной особой и придерживалась европейского стандарта поведения. Именно поэтому она решила, что если два взрослых обеспеченных человека любят друг друга, то зачем ждать так долго, когда можно просто взять и пожениться? Однако все-таки русские корни взяли свое, и влюбленные решили сначала объявить о помолвке.

Вот здесь все же следует описать несколько моментов этого события, так как без них читателю будет трудно разобраться во всех тонкостях заворачивающейся интриги.

Праздник по случаю помолвки князя Волевского и Шурочки должен был состояться в доме самого князя на Дворянской улице. Мои уговоры, обращенные к подруге повременить с таким скорым решением, так ни к чему и не привели. Что поделаешь, такой уж у Шурочки был характер.

Естественно, Сашенька (как я иногда называю подругу) в первую очередь на торжество пригласила меня, как самого близкого ей человека.

Наступил день помолвки. Ближе к вечеру Алена, тяжело дыша и утирая румяное лицо подолом, вошла ко мне, чтобы помочь переодеться к предстоящему торжеству. Не прошло и часа, как я уже садилась в карету при всем параде.

Когда я прибыла на место, в парадной зале дома князя Волевского собрались уже почти все гости, которых было не так уж и много. Вот еще одно обстоятельство, которое меня удивляло во всей этой женитьбе. Дело в том, что ни жених, ни невеста не желали, чтобы как на помолвке, так и на свадьбе было много гостей. Но это было так несвойственно людям нашего круга, где на такие торжества всегда собиралось практически все дворянское население города.

Хотя тогда я, вероятно, по своей молодости, соглашалась со своей подругой в романтичности свадьбы, когда о ней знают только самые дорогие и близкие друзья. Ведь мечта любой женщины, особенно той, что ранее не была замужем, заключается в том, чтобы жених выкрал ее или, по крайней мере, организовал тайное венчание. Правда, такое происходило обычно, когда кто-то из родителей был против свадьбы, что никак не относилось к шурочкиному случаю. Однако и ей так же хотелось романтики, как и всем остальным, и я не имею никакого права осуждать ее за это.

Дом князя представлял собой довольно внушительных размеров особняк, отделанный мрамором, украшенный лепкой, росписями на стенах. Нельзя сказать, что строение чем-либо особенным отличалось от других дворянских особняков города, но в целом жилище князя Волевского произвело на меня вполне благоприятное впечатление.

Шурочка в бледно-розовом, подчеркивающем румянец ее щек платье была просто неотразима. Князь ни на минуту не отходил от своей невесты.

Может быть, теперь это выглядит несколько глупо, но в тот момент я даже украдкой утерла слезу, вспомнив свою собственную помолвку с моим незабвенным Александром. Мы тогда, четыре года назад, были точно так же непомерно счастливы, как и Шурочка с Князем Волевским. Надеюсь, читатель простит меня за такую сентиментальность, но у всех свои слабости.

В самой середине праздника Волевский взял за руку Шурочку и, пройдя вместе с ней на середину залы, попросил у гостей внимания.

– Дамы и господа, – начал он свою речь. – Сегодня я пригласил вас на торжество, которое мы приурочили ко дню нашей помолвки, – он с умилением взглянул на стоявшую рядом, зардевшуюся от смущения Шурочку. – А также хотим сообщить, что намерены пригласить всех здесь присутствующих на свадьбу, которая состоится в сентябре месяце сего года.

После этого по всей зале начали раздаваться возгласы одобрения, дамы кинулись обнимать счастливую Шурочку, мужчины поздравляли князя. Я тоже поцеловала Сашеньку в щеку, которая стала мокрой от непрошенных слезинок.

– Ах, Катенька, я так счастлива, – пробормотала подруга.

– Дай бог, чтобы это счастье тебя никогда не покидало, – искренне откликнулась я.

И вот именно в этот трогательный момент внезапно раздался какой-то шум снаружи дома, и через несколько мгновений в дом вбежал запыхавшийся здоровый мужик. По его запыленному казакину можно было сразу догадаться, что тот пробыл в дороге очень много времени. Гости с удивлением рассматривали это необычайное явление, кто-то окликнул князя.

– Остап, что ты делаешь здесь? – обернувшись на зов, наконец, Волевский заметил прибывшего и немедленно подошел к нему.

– Извиняйте, барин, – Остап поклонился, но тут понял всю несуразность обстановки и засмутился.

– Случилось что? – продолжал выпытывать Волевский. – Ну, же говори.

– Беда, барин, – Остап утер рукавом взмокший лоб. – Уф, едва не помер по дороге. Бунт в имении, – неожиданно выпалил он.

– Бунт? – на лице Волевского отразилось крайнее недоумение. – Да объясни же ты толком.

– Так я и говорю, бунт, – продолжал твердить свое мужик, краснея под обращенными на него взглядами гостей. – Прибежал ко мне Прошка, тот, чья жена в прошлом году в речке утопла, да и говорит, что мужики против барина идти собрались, потому как не нравятся им нынешние порядки в имении.

– А ты? – глаза князя гневно сверкнули.

– А я на лошадь да и к вам напрямик, барин. Без вас не разобратся мне. Чтобы утихомирить этих остолопов, барская рука нужна, – наконец, закончил речь Остап.

Остап был, как потом оказалось бурмистром в имении Волевских. Невозможно словами описать то, что началось после новости, которую принес крестьянин. В зале поднялся такой гвалт, что впору было уши затыкать.

– Я же говорил, что все это не приведет к добру, – возмущался толстый и красный от уже порядком выпитого вина князь Волотов. – Вот они, реформы эти. К чему народ толкают.

– Успокойтесь, ради бога, – кинулась к нему княгиня Волотова. – Ей-богу, зачем так переживать. Так недолго и апоплексический удар хватит. Ну, успокойтесь, душа моя. Вот выпейте-ка, – с этими словами она протянула мужу бокал вина.

Увидев перед собой спасительное питье, князь вдруг как-то сник и, взяв из рук супруги бокал, залпом осушил его до дна.

– Эх, не ведают, что творят, а потом сами же жалуются, – Волотов обреченно махнул рукой.

По всей видимости, эти слова относились к взбунтовавшимся крестьянам, которые действительно, начиная с 1855 года, то есть с объявления манифеста о

созыве народного ополчения, то и дело устраивали склоки и выступали против своих покровителей – помещиков. Все мы в те времена ужасно боялись «народных бунтов». Кто же знал, что все это еще цветочки. Не пройдет и четырех лет, как выйдет этот указ об отмене крепостничества, который должен был полностью переменить все вековые российские устои. Хотя, может, все это и к лучшему. Не мне судить, но думаю, что к тому времени Россия не созрела еще до того, чтобы освободить своих крестьян от помещичьей воли.

Но это будет потом, а в тот момент это известие вызвало испуг и недоумение среди дворян. В результате князь решил незамедлительно отправляться в Синодское, пообещав на прощание Шурочке вернуться всего через несколько дней.

Естественно, что после такого конфуза гости быстро начали разъезжаться по домам. Праздник оказался безнадежно испорченным. Шурочка же кинулась ко мне с просьбой побыть подле нее, пока князь не уйдет. Время уже перебралось за полночь, когда, проводив Волевского в имение, а Шурочку домой, я вернулась к себе, уставшая и разочарованная неудавшимся праздником.

Оставшись одна, Сашенька ждала возвращения князя со дня на день. Однако время шло, а Волевский все не приезжал. Подруга моя не могла найти себе места, мало помалу начиная беспокоиться о внезапно исчезнувшем возлюбленном. Несколько раз она посещала мой дом и жаловалась на отсутствие вестей от Волевского. Я, конечно, как могла, старалась успокоить ее, хотя, честно говоря, у меня и без того было много своих дел. Может быть, меня кто-то захочет упрекнуть в том, что я плохая подруга, но поверьте, я прекрасно знала Шурочку, ее ум и сообразительность. Именно по этой причине я от всей души надеялась, что она сама сможет справиться с перипетиями в своей жизни.

Однако того, что я так ожидала, не произошло. На одиннадцатый день со дня помолвки Шурочка заявила ко мне вся в слезах, с тоской и печалью на молодом лице.

– Катенька, душенька, не могу больше ждать. Вся душа истосковалась, – едва появившись в дверях, проговорила она. – Поедем же со мной.

– Помилуй, Сашенька, куда ты меня зовешь? – удивилась я.

– В Синодское, в имение Волевских. Так уж я переживаю. Упаси бог, если что-нибудь случилось с Владимиром, ведь до сих пор от него нет никаких вестей, – Шурочка всхлипнула и утерла глаза кружевным платочком, который все это время не выпускала из рук.

– Шурочка, да можно ли? – возмутилась я. – Ведь невесте ехать к жениху в дом без приглашения – дурной тон. Господи, от своей любви ты совсем обезумела.

– Пусть, пусть, – отмахнулась моя подруга. – Но тогда я хоть буду знать, все ли с ним хорошо. Только вот одной путешествовать боязно. А с тобой мне ничего страшно не будет. Катенька, поедem же.

Вот тут, уважаемый читатель, я позволю себе прервать повествование моей родственницы, так как далее снова идут несколько страниц, расписывающих все ухищрения Шурочки для того, чтобы уговорить Катеньку сопровождать ее в имение князей Волевских. По прошествии многих лет нехитрые уловки Шурочки вызывали у моей тетки улыбку, поэтому некоторые выражения облечены во французские фразы. Так что не буду томить читателя и сразу скажу, что Екатерина Арсаньева все-таки поддалась на уговоры подруги, и они на следующий же день после этого разговора направились в Синодское.

Я, слава богу, все-таки настояла на том, чтобы каретой нашей управлял мой верный кучер Степан, потому как с ним можно хоть в огонь, хоть в воду. Этот широкоплечий здоровенный мужик одним только своим видом мог внушить страх даже самым отъявленным разбойникам, которых в те времена было огромное количество на наших ухабистых дорогах. Шурочка сначала было сопротивлялась, хотела взять своего извозчика, но тот перед самым отъездом внезапно сломал ногу, так что лучшего сопровождающего и защитника, чем Степан, трудно было бы придумать.

И вот, сидя в покачивающейся в такт лошадиному галопу карете, мы всю дорогу вели неспешный разговор. На какое-то время мне даже удалось отвлечь Шурочку от ее беспокойных мыслей о своем возлюбленном. Она поделилась со мной своими планами после свадьбы переселиться вместе с новоиспеченным мужем в Синодское и жить там с ним душа в душу. Я поверить не могла тогда собственным ушам. Шурочка, которая так ненавидела деревенскую жизнь, которая сама отговаривала меня от того, чтобы переселиться в имение, вдруг жертвует всем и изъявляет желание стать помещицей. Да, чего не сделает русская женщина ради своей любви.

Тем временем путешествие наше продолжалось. Мы проехали уже приблизительно верст пятьдесят, когда сбоку от дороги показался небольшой лесок, а рядом с ним и уже знакомая мне деревенька Елшанка. Мы благополучно переночевали в Елшанке, у елшанской помещицы и моей старой знакомой Ксении Георгиевны. Здесь все было по-старому. Огромный дом, гостеприимная хозяйка, которую, казалось, вовсе не трогают события, происходящие за пределами ее маленького мирка. Но как бы не так, эта женщина знала все обо всех, в который раз удивляя меня своей осведомленностью.

Старушка была в своем репертуаре, приветливо приняла нас и едва не замучила до смерти мою подругу расспросами о предстоящей свадьбе. Оказалось, что она прекрасно знала отца Владимира Волевского и была весьма наслышана о его сыне. Естественно, она не преминула обо всем, что знала, тут же доложить своим гостям. Узнав все последние деревенские новости, мы рано поутру отправились дальше.

Погода была что ни на есть самая благоприятная, стояло теплое бабье лето, поэтому путешествие, к моему тогдашнему удивлению, не вызвало у нас того неприятного чувства чего-то утомительного и грязного, пахнущего дорожной пылью и потом лошадей. Легкий ветерок проникал через открытые окошки кареты и приятно охлаждал разгоряченные наши лица.

Через несколько часов справа показалась небольшая речка Терешка. А вскоре началось и Синодское.

Больше всего в тот момент я опасалась, что увижу в деревне вооруженных крестьян, или, того хуже, разоренную барскую усадьбу. Тогда бы нам самим уже пришлось защищаться собственными силами. Однако все мои ожидания, к счастью, не оправдались. В деревне никого не было. Лишь изредка в какой-нибудь крестьянской избе на порог выходила старуха или выскакивал в одной рубашонке ребенок. Жизнь текла своим чередом. Даже невозможно было представить, что здесь произойдет что-либо, даже отдаленно напоминающее крестьянский бунт.

Барская усадьба князей Волевских представляла собой довольно внушительное зрелище. Построенная в стиле русского классицизма, она, словно вековой дуб, была оплотом барской власти и спокойствия. Видно было, что покойный отец князя Волевского привык жить на широкую ногу и не скупился на обустройство

своих владений.

– Вот и добрались, барыня, – пробасил Степан, слезая с козел и открывая дверцу кареты.

Дом казался необычайно пустынным и тихим. Мы вышли из кареты и нерешительно остановились посреди двора. Но вот на белом мраморном крыльце появился уже знакомый нам Остап – бурмистр имения. В сером казакине с прямым воротником и с непокрытой головой он напоминал мне борова, которого загнали в угол охотники, настолько затравленный был у него вид. Шурочка, увидев управляющего своего жениха, тут же кинулась к нему.

– Остап, где твой барин? – нетерпеливым тоном вопрошала его подруга, и вдруг осеклась, заметив выражение лица бурмистра. – Что-нибудь с ним случилось?

– Эх, барышня, – наконец смог вымолвить Остап. – Что же это делается, – он как-то странно хмыкнул и вытер покрасневший нос грязным рукавом. – Нет больше кормильца нашего.

Несколько минут Шурочка не могла произнести ни слова, только во все глаза смотрела на бурмистра. Как раз в это время я подошла поближе к ним и увидела, как задрожала нижняя губа моей милой, но такой несчастной подруги. Я сразу поняла, что самые худшие предположения моей подруги о своем женихе, к несчастью, начинают оправдываться.

– К-как нет? – казалось, что слова с великим трудом вырываются из горла Шурочки. – Да объясни же ты, глупый, – не выдержала она, заломив руки.

– Помер барин, – Остап снова всхлипнул, затем отвернулся и, ни слова больше не сказав, только обреченно сгорбившись, пошел в дом.

Шурочка после этих слов как-то странно судорожно вздохнула и начала медленно опускаться на пыльную землю. Хорошо, что Степан к этому времени подоспел с сундуками и мешками на огромных плечах. Он тут же бросил на землю свою ношу и успел подхватить упавшую в обморок Шурочку.

– Куда ее, барыня? – повернулся он ко мне, и я чуть ли не впервые за все время службы у меня Степана заметила на его лице крайнюю растерянность.

– В дом, – решительно приказала я. – Немедленно в дом. Эй, как там тебя, Остап! – наконец вспомнила я имя бурмистра. – Да где ты там?

Остап появился в мгновение ока, как будто все это время стоял за дверями и подслушивал, что происходит на крыльце.

– Чего изволите, барыня?

– Чего? – я уже начинала злиться, глядя на глупую физиономию бурмистра. – Покажи, куда барышню отнести. Да не стой ты столбом, дурак.

Остап, несмотря на внешнюю глуповатость, быстро оценил сложившуюся ситуацию. Своими маленькими вороватыми глазками он мельком взглянул на моего кучера, держащего Шурочку, и снова повернулся ко мне.

– Туда, я покажу, – указал он на дверь и первым поспешил в дом.

Степан с Сашенькой на руках пошел следом. Внутри барская усадьба была еще более богатой и красивой, чем снаружи. Комнаты с огромными зеркалами по стенам, на европейский манер, паркетные полы, дорогая, хотя и уже устаревшая мебель – все это свидетельствовало о том, что семейство Волевских, по крайней мере, в последние лет пятьдесят процветало и богатело.

Остап провел нас по большому коридору к лестнице, которая вела в верхние гостевые комнаты.

– Сюда пожалуйста-с, – постоянно приговаривал он, указывая дорогу мясистым пальцем на толстой руке.

В указанной бурмистром комнате Степан осторожно уложил Шурочку на маленькую софу. Затем по моему приказанию он принес воды, а я в это время достала из своего походного ридикюля пузыречек с нюхательной солью. Не думайте, что я так уж часто падала в обмороки, такого со мной, честно говоря, никогда не случалось, так как женщиной я была достаточно сильной для того,

чтобы достойно выдерживать все удары судьбы. Но все-таки пузырьречек этот всегда носила с собой, так, на всякий случай.

Все это время Остап мельтешил рядом, то и дело заглядывая через мое плечо. Похоже было, что обморок моей подруги вызвал у этого прохвоста живейший интерес, и он с нетерпением ждал, когда Шурочка очнется. Наконец, подруга тяжело вздохнула и, медленно открыв глаза, взглянула на меня.

– Слава богу, Сашенька, как же ты меня напугала, – вздохнула я с облегчением, убирая от лица ее пузырек.

Подруга несколько минут смотрела на меня непонимающим взглядом, пытаюсь припомнить все произошедшее с ней накануне.

– Господи, – наконец вспомнила она. – Что с Владимиром? Он погиб?

– Стало быть, погиб, – тут же влез в нашу беседу Остап, чем немало разозлил меня. – Нынче утром пошли наши девки на реку одежду полоскать, да и выловили в реке утопленника. Испугались они да побежали за мужиками, а уж мужики и вытащили, как опосля оказалось, собственного барина.

С каждым словом бурмистра лицо Шурочки становилось все блее и блее, и вскоре уже было совсем алебастровым. Я испугалась, что она того и гляди снова в обмороке окажется, но нет, подруга, видимо, крепилась.

– Как же он утонул? Где он сейчас? – спрашивала я Остапа.

– Как утонул, того не ведаю. А лежит он сейчас в нижней комнате, я велел за бабами послать в деревню, чтоб обмыли покойника. Да еще послал за полицией, – с важным видом доложил мужик.

– Не трогать его, пока полиция не приедет. Понятно? – сразу же приказала я.

Возможно, произнесла я это несколько резковато, так как вид у Остапа сделался испуганным, и он согласно закивал лохматой головой.

– А теперь я хочу посмотреть на него.

- На кого? - ошалело уставился на меня бурмистр.

- Да на барина твоего покойного, - не вытерпела я.

Надо было видеть физиономию Остапа, когда я произнесла эти слова. Он сделал круглые глаза. Похоже, ему так до конца и не удалось понять, почему такая с виду изнеженная и хрупкая барышня вдруг изъявила желание смотреть на мертвеца. Тем не менее, он подчинился и повел меня за собой.

Спустившись вниз по просторной лестнице, мы вновь прошли по коридору и приблизились к высокой деревянной двери.

- Здесь он, - почему-то шепотом проговорил Остап.

Я решительно отодвинула бурмистра в сторону и открыла дверь. То, что я увидела там, опишу в следующей главе, так как в этой и так было уже слишком много событий.

Глава вторая

Итак, я открыла дверь, ведущую к комнате, где, по словам Остапа, лежал его покойный барин. Первое, что я увидела, - это сдвинутый набок мягкий ковер на полу, а на нем что-то темное, опутанное водорослями и тиной. Это было тело князя Волевского. Странно, может быть, это будет звучать неприлично в устах молодой образованной дамы, но я ожидала, что комната будет наполнена вонью и смрадом, какой обычно испускают утопленники. Откуда я знаю такие подробности? Но ведь у меня во владении было не менее шести тысяч душ крестьян, в жизни которых постоянно случались подобные инциденты: то крестьянин спяну в реку упадет да утонет, то весной на половодье заберется кто-нибудь на льдину и свалится в воду, а найдут его только после того, как весь лед сойдет. Так что на своем веку утопленников мне все-таки удалось повидать.

При первом же взгляде на покойного князя Волевского я поняла, что умер он совсем недавно, так как не успел принять подобающего утопленнику облика, а

попросту говоря, не успел распухнуть. Может быть, читателя шокируют подобные подробности. Но как же еще по-другому можно описать внешность утонувшего человека? Поверьте, в моей жизни бывали случаи и пострашнее. Хотя лицо князя на самом деле было безобразно: посиневшая кожа придавала князю какой-то демонический облик, изо рта торчал распухший язык. Не могу до сих пор объяснить своего чувства при первом же взгляде на мертвое тело Волевского, но что-то мне показалось странным во всем его облике.

Как бы мне того ни хотелось, хорошенько осмотреть тело я не успела. Во дворе усадьбы послышался цокот копыт и скрип колес.

- Полиция приехала, - опередил меня догадкой Остап.

Мы поспешили навстречу приехавшим полицейским. Когда я вслед за Остапом вышла на крыльцо, дверь подъехавшей полицейской кареты открылась, и из нее вылезла мощная фигура здоровенного мужчины в полицейском мундире. Это был новый начальник уголовной полиции - Арсений Васильевич Лепехов, который был назначен на эту должность как раз после ареста Михаила Федоровича Алсуфьева, прежнего следователя губернской полиции, который оставил самые что ни на есть неприятные воспоминания о своей особе в моей душе.

Прежний начальник был человеком, прошу прощения у читателя, мерзким и наглым. Связавшись с преступниками и следуя у них на поводу, он как-то даже умудрился засадить меня в тюрьму. К счастью, все обошлось благополучно. Но с тех пор я с большим недоверием относилась ко всему полицейскому штату, хотя мой покойный муж и занимал должность старшего следователя полиции.

Остап тем временем, подобострастно кланяясь и бормоча приветствия, кинулся помогать следователю выйти из кареты, а я все это время продолжала наблюдать за ними, стоя на крыльце усадьбы. Вслед за Лепеховым из кареты показались еще двое полицейских.

- Где погибший? - сразу приступив к делу, суровым басом осведомился Арсений Васильевич у Остапа.

- Там, - Остап махнул рукой в направлении барского дома. - Мы его в комнате уложили и ничего больше не трогали, - доложил он.

Лепехов повернулся к стоящим за его спиной полицейским и вполголоса отдал им какое-то приказание. Те тотчас же поспешили в усадьбу, вытаскивая на ходу какие-то бумаги и другие непонятные инструменты для осмотра трупа и фиксирования факта смерти. Арсений Васильевич тем временем не спеша последовал за ними. Подойдя к крыльцу, он встретился взглядом со мною, поклонился и только после этого произнес:

– Доброго здоровья, сударыня. Могу я узнать, с кем имею честь беседовать?

Я представилась, внимательно оглядывая всю статную фигуру Лепехова. Похоже, такое пристальное внимание не слишком понравилось следователю.

– Могу узнать, что делает здесь такая дама, как вы? – с недовольным выражением на рябом лице проговорил он. – Кем, извольте объяснить, вы приходите покойному?

Я была несколько обескуражена этим вопросом. Да и что я на самом деле могла здесь делать, если с покойным я не только не находилась в родстве, но даже почти не знала его? Но, по крайней мере, мне казалось, что мы хотя бы должны были войти в дом, прежде чем начинать разговор, соблюдая элементарную вежливость. Однако Лепехов, по всей видимости, не собирался разделять моего мнения и продолжал допрашивать меня, стоя на крыльце. Что ж, раз уж дело обернулось так, то я поспешила принять его правила игры и с готовностью принялась объяснять мое пребывание в Синодском в столь печальный момент:

– Я сопровождающая своей подруги, которая с недавних пор являлась невестой князя Волевского. Две недели назад князь уехал в имение и обещал вернуться через несколько дней. Однако после того как он долго не появлялся, Александра – его невеста – очень забеспокоилась и поспешила сюда, уговорив меня поехать с ней. Мы прибыли только сегодня утром и сразу же узнали эту страшную новость о смерти князя.

На лице Лепехова появилось недоверчивое выражение, однако тут в разговор встрял все тот же везде поспевающий Остап.

– Не извольте гневаться, барин, но барыня говорит истинную правду, – он поклонился в мою сторону. – Они с молодой невестой хозяина только сегодня

утром прибыли-с. А тут такое известие-с. С барышней-то сразу дурно сделалось, и мы ее в верхние комнаты отнесли. Еле в себя она пришла, – скороговоркой доложил он.

Лепехов внимательно выслушал бурмистра, затем снова посмотрел на меня, кивнул и, ни слова не говоря, отправился в дом. Мне же ничего больше не оставалось, как последовать за ним. В комнату, где лежал покойник, по вполне понятным причинам меня не впустили. Пришлось вернуться наверх, к Шурочке.

Подругу я застала стоящей возле самого окна. Она с испугом выглядывала во двор, надеясь увидеть хоть что-нибудь происходящее на улице. При звуке открывающейся двери Сашенька вздрогнула и обернулась.

– Ах, Катенька, – она с беспокойством на лице кинулась ко мне. – Кто это там приехал? Полиция?

– Полиция, – кивнула я. – Сейчас осмотрят тело...

Я осеклась, так как хотела сказать про тело князя, но подумала, что подруге будет больно слышать об этом, и решила не продолжать. Чего доброго, она еще начала бы расспрашивать, до какой степени смерть обезобразила ее жениха, а о таких подробностях мне и вовсе не хотелось рассказывать. Но, к счастью, мои переживания для Сашеньки прошли совершенно незамеченными.

– Господи, я не переживу этого, – Шурочка всхлипнула.

– Сашенька, милая, – я обняла ее за плечи. – Тебе надо быть сильной. Теперь уже ничего не изменишь.

Подруга кивнула, но продолжала утирать капавшие из глаз слезы.

– Ах, но почему именно Владимир, – стонала она. – Я хочу знать, как это случилось?

– Узнаем, – попыталась я ее успокоить, хотя сама очень сомневалась в собственных словах.

Тут в дверь постучались, а через минуту на пороге появился Лепехов. Мельком взглянув на меня, он обратил свой взор на плачущую Шурочку.

– Как я понимаю, вы и есть невеста покойного? – вкрадчиво проговорил он.

Подруга кивнула и быстро смахнула с лица кружевным платочком крупные слезы. Лепехов заметил этот жест, и лицо его несколько смягчилось. Я подумала, что этот человек многим отличается от своего предшественника, по крайней мере, в выражении его лица проглядывали хоть какие-то проблески сострадания и сочувствия к стоящей перед ним женщине.

– Позвольте выразить вам мои соболезнования, – произнес он. – Очень сожалею о безвременной кончине князя. Но, что поделаешь. На все воля божья, – он быстро перекрестился.

Мы тоже последовали его примеру и осенили себя крестами.

– Почему он утонул? – немного успокоившись, вопрошала Шурочка.

– Вот об этом-то я пришел доложить, – осторожно начал Лепехов. – Дело в том, что жених ваш не утонул, а был убит.

– У-убит? – это известие повергло мою подругу в шок, впрочем, так же, как и меня саму.

– Убит-с, – с бесстрастным лицом подтвердил следователь. – Пулей в лоб из пистолета, а потом, по всей видимости, сброшен в реку, где его и нашли. Я послал своих людей немедленно осмотреть окрестности, вдруг и найдется какая-нибудь улика, по которой можно найти убийцу.

Видимо, Лепехов решил, что этим он сказал все, о чем мог доложить, и хотел уже выйти из комнаты, как вдруг вспомнил о каком-то деле и остановился.

– Сударыня, – снова повернулся он к Шурочке. – Ввиду того, что у покойного, кроме вас, не было больше никаких близких родственников или друзей, думаю, что вещи покойного, найденные у него, я должен передать вам, если вы, конечно не против.

– Нет, нет. Я не против, – поспешила заверить полицейского Шурочка. – Вы без зазрения совести можете передать все мне.

– Тогда прошу следовать за мной, – махнув рукой, промолвил Арсений Васильевич и вышел из комнаты.

Мы с Шурочкой переглянулись. В глазах подруги я заметила некоторую нерешительность, поэтому поспешила подтолкнуть ее к двери, пообещав, что все время буду находиться подле нее.

Вместе мы проследовали на нижний этаж. Однако не успели мы спуститься, как Лепехов возле самой лестницы преградил нам дорогу и пригласил в кабинет покойного князя Волевского.

– Пройдемте туда, – указал он рукой вглубь коридора. – Это, по-моему, единственная комната в доме, где можно спокойно поговорить.

Мы миновали гостевую, где полицейские уже осмотрели мертвое тело, при этом Шурочка испуганно покосилась на запертую дверь, откуда доносились приглушенные голоса.

– Это там? – шепотом обратилась она ко мне.

– Да, – кивнула я и, взяв подругу под руку, поспешила провести ее мимо страшной комнаты.

Кабинет князя Волевского был большим и просторным, впрочем, так же, как и все остальные комнаты в этом богатом доме. Вольготно расположившись в кресле за большим красного дерева столом, Лепехов выложил перед собой тряпицу, в которую, как я сразу догадалась, были завернуты те трогательные мелочи, которые обычно находят в карманах одежды убитых.

– Присаживайтесь, сударыни, – указал начальник полиции на стулья, стоявшие по другую сторону стола.

Мы с Шурочкой уселись напротив полицейского и, как подобало траурной обстановке момента, чинно сложили руки на коленях и приготовились

внимательно слушать.

Старший следователь тем временем развернул тряпицу, откашлялся, внимательно посмотрел на нас и проговорил:

– Вот эти вещи мои люди нашли у покойного. Прошу посмотреть, нет ли в них ничего подозрительного.

Шурочка наклонилась немного вперед. Обычные для мужчины нашего круга безделушки: брегет на серебряной цепочке, носовой платок, какие-то записки – это все, что было в тряпице. Ничего вызывающего какие-либо подозрения подруга там не нашла.

– Нет, я не вижу здесь ничего странного, – призналась Шурочка. – Обычные для мужчины безделушки.

– Прекрасно, – отчего-то обрадовался Лепехов. – Мы тоже ничего особенного не нашли. Ну а раз такое дело, то вы можете забрать эти вещи, как говорится, на память о дорогом вам человеке.

Он свернул тряпицу и передал ее моей подруге, которая с великой осторожностью приняла дорогую ей память о погибшем возлюбленном.

– Теперь мы можем идти? – спросила я, так как заметила, что подруга моя, получив столь трогательный узелок, того и гляди снова заплачет.

– Конечно, конечно, – пробормотал Арсений Васильевич. – Не смею вас больше задерживать. Прошу, – он выбрался из-за стола и, пройдя по кабинету, открыл нам дверь.

Не успел Лепехов проделать это, как на пороге появился один из полицейских, которых следователь послал на осмотр окрестностей. Ворот мундира на прибывшем неподобающим образом был расстегнут на целых три пуговицы, и весь вид его свидетельствовал о недавней борьбе с кем-то. Но самым впечатляющим обстоятельством послужило то, что полицейский держал в руках пистолет, рукоятка которого была завернута в тонкий батистовый носовой платок.

– Господин начальник, извольте доложить, найдено орудие убийства, – с ходу выпалил полицейский. – Мы уже все сверили. Именно из него был застрелен князь Волевский, – он ткнул грязным пальцем в пистолет.

– Тише ты, дурак. Чего орешь-то? – одернул его следователь. – Пройди ко мне. А вас, милые барышни, пока покорнейше прошу выйти, – он с поклоном и со сладчайшей улыбкой на лоснящемся лице повернулся ко мне и Шурочке.

– Но я имею полное право присутствовать при этом разговоре, – внезапно воспротивилась моя подруга. – Мы тоже хотим знать про найденное оружие.

Однако Лепехов ни под каким предлогом не собирался уступать.

– Это дело следствия. Не могу-с позволить вам присутствовать. Никак не могу-с, – он с деланным сожалением повел руками в стороны.

Нам ничего другого не оставалось, как повиноваться приказу начальника полиции и выйти, хотя я так же, как и Шурочка, придерживалась того мнения, что мы вполне можем присутствовать при докладе полицейского своему начальнику.

Вот тут, уважаемый читатель, я просто не могу не вмешаться в общий ход повествования. Дело в том, что мне хотелось бы не согласиться со своей родственницей. Естественно, Шурочка имела право знать о ходе следствия. Но, с другой стороны, вполне можно понять и самого господина Лепехова, который по долгу службы просто обязан был соблюдать полную конфиденциальность в отношении поступающей к нему информации и не выставлять эту информацию на всеобщее обозрение до полной ее обработки. Так что тетушкино негодование можно рассматривать как сугубо субъективный взгляд на положение вещей.

Прошу простить меня за столь бесцеремонное вмешательство, и с вашего разрешения я продолжу повествование.

Исполнив пожелание Арсения Васильевича и удалившись из кабинета, мы, охваченные волнением и тревогой, поднялись в верхние комнаты. Говорить ни о чем не хотелось, возможно, потому, что мы с минуты на минуту ожидали появления Лепехова и вестей, которые он принесет с собой. Однако долго скучать нам не пришлось. Через несколько минут нас обеих привлек какой-то

шум во дворе усадьбы, и мы, не сговариваясь, подбежали к окну.

Ничего особенного нашим любопытным взорам не представилось, хотя это смотря что называть особенным. В трех шагах от крыльца барской усадьбы стояли четверо крестьян. Судя по оборванному виду и по глупым страдальческим выражениям на сизых лицах, они были или пьяны, или жестоко страдали от мучившего их похмелья. Переминаясь с ноги на ногу, они тупо смотрели на полицейского, который, стоя напротив, держал всех четверых под прицелом пистолета. Остап же находился позади пленников с вилами наперевес, которые, судя по всему, он намеревался пустить в ход, если кто-то из крестьян вдруг вздумает бежать. Крестьяне то и дело кидали какие-то реплики, но мы не могли их слышать. Зато полицейский, держащий пистолет, грозно рывкал на пленников и махал у них перед носом своим оружием.

– Да их-то зачем на прицеле держат? – удивилась Шурочка. – Судя по всему, они что-то натворили. Как ты думаешь, Катенька?

– Пока не знаю, – честно призналась я. – Тихо, думаю, что сейчас нам все станет понятно.

Вскоре на пороге дома появился Лепехов. Остановившись на крыльце, он что-то начал громко говорить крестьянам. Ну, тут уж мое терпение кончилось, я решила, что довольно нам находиться в неведении и сидеть в комнате, словно мыши в клетке.

– Пойдем, Сашенька, – я схватила подругу за руку и буквально потащила ее за собой к двери.

– Куда мы? – удивилась Сашенька.

– Вниз, послушаем, о чем они говорят, – отвечала я. – Не все же нам здесь сидеть. Так мы уж точно ничего не сможем узнать.

Мы спустились вниз, осторожно пробрались по коридору, ведущему к выходу из усадьбы, и спрятались в маленькой каморке рядом с выходной дверью. Я еще с самого начала нашего пребывания в Синодском заприметила эту комнатку. Отсюда можно было прекрасно слышать все, что происходило во дворе. Мало того, в комнатку имелося маленькое слегка закопченное окошко, и мы могли

не только слышать, но и видеть и следователя, и крестьян.

– И куда же вы направились? – услышали мы звучный голос Лепехова, обращенный к испуганным мужикам.

– Д-к, не помним, барин, – отвечал один из мужиков, потупив взор. – Ей-же-ей, ничего не помним.

– Не помнишь, говоришь? – лицо следователя постепенно наливалось кровью от переполнявшего его гнева. – Ничего, на суде все вспомнишь.

– Помилуйте, барин, – загалдели мужики. – Бес попутал.

Все расскажем. Только не гневайтесь на нас.

– Рассказывайте, – кивнул Лепехов. – Иначе...

Он не договорил, что могло бы быть иначе, так как крестьяне вдруг, как по команде, попадали на землю и принялись долбить лбами сухую землю.

– Ох, не хотели мы того, – подняв, наконец, голову, проговорил один из мужиков.

Телосложения он был хилого, но глаза так и блестели хитростью и умом, что практически невозможно встретить среди низшего крестьянского населения.

– Услышали мы, что крестьяне у княгини Ливен бунт подняли и порешили, чем мы хуже их. Стали уговаривать народ тоже бунт поднять, да ничего у нас и не получилось. Не хотят нонче мужики против барина выступать. А тут слух прошел, что сам барин едет, чтобы нас, грешных, наказать. Испугались мы да побегли в соседнюю деревню, от гнева барского спастись. Там напились горькой и решили возвращаться на поклон к хозяину, прощения вымаливать. По дороге пистолет этот нашли, думали, пригодится, а то и самому князю хотели отдать. Пришли мы сюда утречком раненько, а Остапка говорит, что нет еще барина-то. Как утром, говорит, вчерась спозаранок уехал, так и не было его до сих пор, – он указал на бурмистра, который кивнул головой, подтверждая слова мужика.

– А дальше что было? – с нетерпением вопрошал Лепехов.

– Так, ничего больше и не было. Раз барина нет, то порешили мы пойти и отоспаться в ближайшем стогу, где нас спящими-то и нашли. Истинную правду говорю, барин, – крестьянин с мольбой посмотрел на следователя.

– Да, чего тут думать. Убили, небось, барина, да пистолет с собой забрали! – выкрикнул тот полицейский, в руках которого был пистолет. – Господин начальник, забирать их надо, и все тут!

На крестьян после этих слов стало жалко смотреть. Они чуть не в голос начали реветь и стонать на все голоса, словно маленькие дети.

– Не верьте, не верьте! – запричитали мужики. – Да чтобы мы кормильца нашего и порешили, никогда такого не было и быть не могло! А что бунт хотели поднять, так это нечистый нас побрал! Не убивали мы! – одновременно заголосили они.

Лепехов минуты две послушал эти душещипательные вопли, затем откашлялся, помялся, а потом вдруг резко гаркнул:

– Молчать!

Гул крестьян в мгновение ока смолк, мужики испуганно таращились на начальника полиции. Лепехов же уже более спокойным тоном продолжал свою речь.

– Можете вы, чертовы дети, доказать, что не убивали? – скорее для успокоения собственной совести, нежели для помощи делу, спросил он.

Крестьяне молча переглянулись и опустили головы. Один из них хотел было что-то сказать, но сосед этого крестьянина толкнул его в бок, заставляя тем самым молчать.

– Не можем, барин. Оттого, что сами не знаем, может, и было чего, да спяну вспомнить не можем.

– Ясно, – рявкнул Лепехов, решив, что дело можно на том и закончить.

Затем он повернулся к подчиненным и приказал:

– Забрать их, а там суд разберется, кто здесь чего помнит, а кто не помнит.

Полицейские вскинули оружие, а Остап тем временем принялся по приказу Лепехова связывать за спиной руки своим односельчанам. Мужики даже и не думали сопротивляться, покорно подставляя руки под веревки и продолжая то и дело всхлипывать и причитать.

– В карету их, – скомандовал следователь, обращаясь к полицейским. – Ждите меня здесь.

Приказ начальника полиции был немедленно исполнен. Крестьян запихали в карету с решетками на окнах. Лепехов же в это время, удостоверившись, что все делается по его усмотрению, развернулся и направился к усадьбе.

Как только мы увидели, что Арсений Васильевич собирается вернуться в дом, тут же кинулись вон из каморки. Добежав до середины лестницы, мы развернулись и принялись как ни в чем не бывало с невозмутимым видом спускаться по ней, как будто только что вышли из своих покоев. Сделали мы это как раз вовремя, потому что на пороге уже появился Лепехов собственной персоной.

– Вот-с, сударыни, хорошо, что вы уже спустились, – со сладчайшей улыбкой на лице проговорил полицейский. – Спешу сообщить об обнаружении убийц князя Волевского.

– Правда? – Шурочка поспешила сделать удивленное лицо, хотя это у нее получилось довольно неудачно. – И кто же это?

– Мужики-с, а именно, крепостные вашего жениха. Попытка устроить бунт против него провалилась, и они, видимо, вздумали сами порешить своего хозяина, собственными, как говорится, руками.

– Какой ужас, – пробормотала подруга. – Вы арестовали их?

– Да, – кивнул Лепехов, – и увозим их с собой. Преступление налицо, да и пистолет, который при них был найден, именно тот, из которого князя Волевского и убили. А теперь, желаю здравствовать, милые барышни. Мне пора-с. Служба, знаете ли, она промедлений не терпит, – с этими словами он поклонился и поспешил к выходу.

Вскоре во дворе все стихло. Крестьян увезли, а мы остались одни в доме, если, конечно, не считать то и дело появлявшегося в поле нашего зрения Остапа. Через час из деревни прибыли женщины, которые тихо отправились на кухню, нагрели там воды и принялись обмывать покойника. Закончив свое дело, они положили тело князя на стол и накрыли его белой простыней.

Мне бы хотелось вернуться к тому моменту, при котором полиция отбыла в Саратов, забрав с собой арестованных крестьян. Возможно, читателя удивит такой, я бы сказал, примитивный подход полиции к распознаванию преступлений. Но в те далекие времена не особенно углублялись в особенности и тонкости находимых улик. А тут тем более. У крестьян найден пистолет, из которого был убит князь, к тому же мужики никак не могли доказать своей невиновности. Следовательно, по нехитрым размышлениям господина Лепехова, именно крестьяне и убили своего барина, особенно если учесть предшествующую попытку поднять бунт. Вот и весь, как говорится, сказ. Крестьян немедленно арестовали и увезли, решив, что именно они и являются единственными и неоспоримыми убийцами князя Волевского.

В который раз прошу прощения за это вмешательство. Но я должен был обрисовать всю обстановку судопроизводства середины прошлого века, для того чтобы читатель мог понять всю скоропалительность решений судебных дел в те далекие времена. Однако не следует заблуждаться, так как быстро суд решался только над низшими слоями российского населения, то есть обыкновенными крестьянами. Но это ни в коей мере не относилось к дворянскому сословию, дела которого решались с великой тщательностью и обстоятельностью, продолжаясь иногда по несколько лет. Итак, продолжим.

Как бы ни складывались обстоятельства против несчастных крестьян, и как я себя ни заставляла, но мне так и не удалось убедить себя в их виновности. Только сейчас, по прошествии стольких лет после тех событий, я вполне могу объяснить это чувство, которое, как оказалось впоследствии, все-таки меня не обмануло. Во-первых, мне показалось странным то обстоятельство, что крестьяне помнили, где и куда ходили, а значит, они были не так уж и пьяны, но

в то же время не помнили, погиб ли князь от их рук или от чьих-либо других. Если человек не сильно пьян и помнит, где он пил, то должен помнить и то, что он делал в таком состоянии. Более же всего поразила меня та покорность, с которой мужики приняли свою горькую участь, хотя и пытались объяснить свою непричастность к убийству. Словом, мой настырный мозг не удовлетворили действия полиции, и я решила сама попытаться раскрыть это преступление.

Много раз после этого я спрашивала себя, зачем, собственно, взялась за это дело. Но, кроме простого объяснения, что хотела помочь своей подруге узнать о смерти жениха, больше ничего разумного мне на ум не приходило.

Такие мысли посещали мою голову, когда я сидела в своей комнате возле окошка, словно заправская купчиха. Однако вскоре мне надоело такое бесполезное занятие, и я решила разыскать Шурочку и рассказать ей о своих измышлениях.

В соседней комнате подруги не было, и я спустилась вниз. Первой комнатой, которая попала на моем пути, оказался кабинет, тот самый, где вел с нами беседу следователь полиции. Первое, что я увидела, заглянув в дверь, была плачущая Шурочка. Склонившись над столом, она тихонько перебирала мелкие вещицы своего покойного жениха, что отдал ей ранее Лепехов.

– Сашенька, вот ты где, – обрадовалась я. – Никак не могла тебя разыскать, весь дом обошла.

Подруга подняла на меня заплаканные глаза и попыталась улыбнуться. Однако улыбка получилась какой-то жалкой.

– Вот, перебираю то, что осталось от Владимира, – как будто извиняясь, пробормотала она.

Я остановилась, не зная, что произнести в ответ. Вся эта обстановка немой скорби и грусти так растрогала мое сердце, что я сама едва не расплакалась. Однако, справившись с охватившей меня неловкостью, я подошла к столу, уселась на край стоящего рядом стула с витой спинкой и принялась тоже разглядывать мелочи, уложенные в тряпице. Почти сразу же мое внимание привлек носовой платок, отделанный по краю кружевом тонкой ручной работы.

– Как красиво, – мое восхищение было вполне искренним.

– Да, очень красиво, – согласилась Шурочка, взяв в руки платок. – Посмотри-ка, тут и монограмма есть – С. Д. Странно, но ведь это не инициалы Владимира.

– Может быть, это платок какой-нибудь дальней его родственницы? – осторожно предположила я, хотя меня не менее подруги озадачила вышитая надпись на платке.

– Бог мой, Катенька, о чем ты говоришь. У Владимира же не было никаких родственников, и все об этом знают, – тут же вскинулась Шурочка, а затем продолжила разглядывать витиеватую вышивку.

– Тогда это... – я встретилась глазами с подругой.

– Платок женщины, которая была очень дорога моему жениху, раз он везде носил с собою этот платок, – закончила начатую мной мысль Шурочка. – Я так и знала, здесь что-то нечисто.

– О чем ты говоришь? – осторожно осведомилась я.

– Да об убийстве же, – в нетерпении заломила руки подруга. – Яснее ясного, что крестьяне не убивали Владимира. Они этого никогда не осмелились бы сделать. Что ты на меня так смотришь? – обратилась она ко мне.

Видимо, выражение моего лица в тот момент настолько наглядно отражало все происходящее в моей голове, что Шурочка даже испугалась, или вернее, даже насторожилась.

– Сашенька, душенька, мы ведь мыслим с тобой совершенно одинаково. Я тоже думала о невинности крестьян и хотела поделиться всем этим с тобой, – наконец, смогла я вымолвить.

Шурочка после этих слов впервые за день улыбнулась и кивнула.

– Но если не крестьяне, то кто мог убить князя? – продолжала тем временем размышлять подруга.

Я тоже задумалась, посмотрела на платок, и тут в голове моей возникла на первый взгляд совершенно несуразная мысль. А вдруг именно та женщина, которой принадлежит платок, как-то замешана в убийстве князя Волевского? Вполне возможно, но пока бездоказательно. В том, что платок принадлежит именно женщине, не приходилось сомневаться. В конце концов, не станет же нормальный мужчина повсюду носить с собой, как дорогой талисман, скажем так, пикантный предмет туалета, принадлежащий мужчине. Значит, платок принадлежал когда-то именно даме и никому другому.

После этого я поспешила поделиться мыслями, посетившими меня, с Шурочкой. Подруга без всяких оговорок согласилась со всеми моими доводами о причастности к этому делу таинственной незнакомки.

- Все это прекрасно, - выслушав меня, проговорила Сашенька. - Однако чтобы удостовериться в наших изысканиях, нужно найти эту самую женщину. Как это сделать?

- Пока еще не знаю, - откровенно призналась я. - Давай-ка сперва позовем Остапа и спросим его как следует о последних днях жизни князя. Уж кому, как не ему, знать, чем занимался твой жених вплоть до самой своей смерти.

- Правильно, - согласилась подруга. - Иди, Кати. Я подожду тебя здесь.

Не успела я выйти из кабинета, как тут же передо мною возникла огромная плечистая фигура бурмистра. Он, понуро опустив голову, шагал по коридору взад и вперед, не зная, куда себя деть.

- Ага, Остап, тебя-то я и искала. Пойдем-ка в кабинет. Александра Саввишна с тобой поговорить желает, - я повернулась и отправилась в комнату, где нас дожидалась Шурочка.

Остап хотел что-то сказать, но так и не выговорил ни одного слова. Он молча подчинился моему приказу и, словно приговоренный, хмуро пошагал за мной.

А о чем мы говорили с Остапом, и что он нам поведал, читатель может узнать в следующей главе.

Глава третья

Остап вслед за мной осторожно вошел в кабинет и, смутившись, нерешительно остановился в дверях.

– Проходи, проходи, – позвала я, заметив его смущение. – Не бойся, я же сказала, нам просто нужно с тобой поговорить.

Остап, наконец, прошел в комнату и уселся на предложенный ему стул. Несмотря на то, что мы старались быть как можно ласковее с бурмистром, лицо его все еще выражало сильный испуг. Он постоянно озирался по сторонам, руки его, лежащие на коленях, дрожали. Скажу честно, меня поведение Остапа меня немало удивило.

– Остап, нам бы хотелось узнать от тебя о последних днях жизни твоего барина, – приступила к допросу Шурочка.

– Да что уж тут рассказывать, барышня, – вздохнул бурмистр, и вздох этот получился настолько тяжким, что мне даже стало жалко этого огромного мужика, и я решила немного помочь ему.

– Хорошо, давай вспоминать все по порядку. Начнем с того момента, когда вы прибыли из Саратова в усадьбу, – подтолкнула я.

– Ну да, прибыли, – кивнул Остап. – Только бунта нет, как не было. Уж как на меня барин тогда осерчал, аж вспоминать страшно. Ты, говорит, зачем, дурак, меня взбудоражил. Я жениться собрался, а тут ты со своими выдумками. Я же не знал, что наши мужики-то умнее окажутся и не пойдут на поводу зачинщиков этой смуты. Ну, вот, – продолжал он, силясь припомнить все подробности событий двухнедельной давности. – Правда, опосля барин смилостивился и перестал на меня гневаться, вместо этого занялся хозяйскими делами.

– Какими делами? – поинтересовалась Шурочка.

– Да всякими, – махнул рукой Остап. – Ездил целыми днями по владениям своим, осматривал их, да все говорил, что скоро придут хорошие времена, тогда и

заживем мы все во много раз лучше прежнего.

Мы с Сашенькой озадаченно переглянулись, услышав такие странные слова. Что имел в виду князь, говоря о лучших временах? Судя по всему, что мы до сих пор успели увидеть в Синодском, барское хозяйство не только не бедствовало, но и вполне процветало.

– А в самые последние дни где бывал князь? – я решила вести допрос до конца.

– Дома, – не задумываясь, ответил бурмистр. – Хотя, постойте, барышня, вспомнил я кое-что. Позавчера это происходило. Пришел я к князю с хозяйственным докладом, а Малашка – кухарка, которая тут в доме стряпает, – говорит, что князь нынче уехал в соседнюю деревню, в Бухатовку, к другу своему князю Бушкову. Я тогда решил подождать возвращения барина, очень уж спешное дело у меня к нему было. Малашка – чертова девка, потащила меня на кухню, да наливочкой стала угощать. Прости за то меня Господи, – Остап поспешно перекрестился.

– Князь вернулся? – с нетерпением проговорила Шурочка, которую уже начинало раздражать неспешное повествование бурмистра.

– Вернулся, куда ж ему деться. Сидим мы, значит, с Малашкой в кухне, она мне про то, про се толкует.

– Господи, да нам-то какое дело, о чем вы с Малашкой толковали, – все-таки не выдержала моя подруга. – Ты про князя рассказывай.

Остап испугался, мелко закивал лохматой головой.

– Не гневайтесь на меня, старого, барышня, – пробормотал он. – Вернулся князь только к ночи, злой весь, даже со мной разговаривать не пожелал, хотя, смею напомнить, что дело-то мое отлагательства не терпело. Князь на меня даже не взглянул, прямиком в свой кабинет отправился и всю ночь тут вот и просидел. Малашка по этой причине несколько раз бегала ему свечу заменить. Она-то мне и поведала, что барин все писал, писал, да еще бормотал слова какие-то непонятные. Утром, когда еще солнце не успело встать, вскочил барин на коня, да и ускакал.

– Куда ускакал? – спросила я.

– В сторону леса. Больше его никто и не видел, а нашли уже мертвым. Ох, горе нам, горе, – снова запричитал мужик.

Узнав от Остапа все, что только можно было узнать, мы отпустили его. Остап, пятясь, все продолжал кланяться, пока дверь за ним не закрылась.

– Мы так ничего и не узнали, – с отчаянием простонала Шурочка.

– Сашенька, ты не права. Кое-что нам все-таки стало известно. Ведь, как сказал Остап, накануне своего отъезда князь делал какие-то записи. Вряд ли он забрал их с собой. Значит, попросту надо просмотреть все, что есть в этом кабинете. Наверняка мы найдем что-нибудь интересное, – решительно проговорила я.

Однако Шурочка никак не хотела соглашаться со мной.

– Катенька, но разве можно рыться в личных вещах покойного без разрешения, – моя подруга даже представить себе не могла такой наглости, не говоря уже о том, чтобы самой пойти на это.

– Какое разрешение? Кто тебе теперь его даст, если Волевский мертв? Шурочка, не будь такой глупенькой. Право, ничего не случится, если мы немного посмотрим записи покойного. К тому же в случае везения мы сможем найти что-то, что поможет нам разгадать убийство Владимира Георгиевича. Ты ведь этого хочешь? – я постаралась вложить в эту речь всю душу, чтобы окончательно и бесповоротно убедить подругу обыскать кабинет.

Я не покривлю душой, если скажу, что мне самой не особенно нравился подобный путь узнать что-либо о гибели Волевского. Но читатель сам должен понимать, другого выхода у нас тогда не было.

В результате Сашенька все же поддавалась на мои уговоры, и мы с большим энтузиазмом принялись за дело. К нашему удивлению, осмотр занял у нас гораздо больше времени, чем мы предполагали. Мебели в кабинете было всего ничего: старинный высокий секретер красного дерева да огромный дубовый стол. Секретер оказался практически пустым, лишь несколько толстых

хозяйственных книг, в которых велся учет доходов и расходов поместья.

Нам пришлось немало потрудиться, прежде чем открыть ящики стола. Мы долго не могли найти к ним ключ. Если бы Волевский носил его с собой, то Шурочке вернули бы его вместе с остальными безделушками, найденными полицией у покойного. Значит, ключ должен был быть где-то спрятан. Ногде? После нескольких минут бесплодных поисков мой взгляд вдруг наткнулся на потемневшее от времени старинное панно на стене с каким-то нелепым изображением то ли оленя, то ли лося. Зачем было вешать эту старую картину именно здесь, в рабочем кабинете?

Я подошла к панно и осторожно приподняла его за краешек. Так и есть, прямо за картиной на маленьком вколоченном в стену гвоздике висел ключ. Причем ключ был очень необычный. Необычность эта заключалась в том, что ключ был двухсторонним, а по тем временам это представляло большую редкость.

- Что там? - тем временем в нетерпении вопрошала меня Шурочка.

Я сняла ключ с гвоздя и с победной улыбкой протянула его подруге. Ключ действительно оказался именно тем, что мы искали. Но к обоим ящикам стола подошел только один конец ключа. В первом ящике лежали несколько гусиных перьев да колода карт для пасьянса. А вот во втором - стопка мелко исписанных листов и пачка старых писем, которые при внимательном изучении были адресованы еще покойному отцу Владимира Волевского. Ничего более интересного в столе не обнаружилось.

- Но ведь есть еще и другой конец ключа. Он тоже должен к чему-нибудь да подойти, - не сдавалась Сашенька.

Задача найти емкость, к замку которой подходил бы второй конец ключа, оказалась не такой уж простой. Мы осмотрели все предметы в кабинете, даже заглянули за отделанные плетеным аграмантом тяжелые гардины на окнах. Но тщетно, ни единой шкатулки, ни единого ящичка, закрывающегося на ключ, в кабинете больше не было.

- И все же мы найдем его, - я решила для себя ни за что не сдаваться и продолжать поиски.

Открыв секретер, я, наверное, уже в тысячный раз принялась внимательно изучать каждую его выемку, каждую полку. Наконец, я добралась до самого низа, где лежали на первый взгляд уж очень старые бумаги, судя по толстому слою пыли на их поверхности. Я безжалостно стала вынимать стопки рукописей и бросать их на пол. В следующее мгновение я поняла, что все мои усилия были не напрасны. В самой глубине полки моему взору открылась небольшая дверца. Я сунула в замочную скважину ключ, несколько раз повернула его, и дверца открылась. За ней находилась уходящая вглубь стены ниша.

– Тайник, – почти беззвучно прошептала Сашенька, которая все это время стояла за моей спиной и наблюдала за моими действиями.

Я тем временем пошарила рукой в нише и вытащила на свет несколько мелко исписанных страниц и толстый желтый пакет, обтянутый темной бархатной лентой. Водрузив свою находку на стол, мы принялись ее изучать с большим интересом.

Почерк рукописей был настолько неразборчив, что мы с большим трудом смогли разобрать всего лишь несколько фраз. Видимо, в момент написания князь сильно торопился. Неровные буквы то и дело заскакивали друг на друга, как будто спешили как можно быстрее передать мысли, обуревавшие Волевского накануне собственной гибели. В результате долгой кропотливой работы у нас получилось вот что:

«Завтра решится все»...

«Уверен враги будут повержены, наследник спасен от позора»...

– Мне ровным счетом совершенно ничего не понятно, – Шурочка, сощутив глаза, внимательно вглядывалась в испещренные чернилами страницы.

Я кивнула и полезла в бумажный пакет. В нем находилась стопка канцелярских бумаг.

– Закладная, – прочитала я вверху первого листа. – Так, это уже становится интересным.

Я быстро пробежала глазами по строчкам. Через несколько минут я уже имела кое-какое представление о том, как же на самом деле вот уже несколько месяцев обстояли дела в поместье князей Волевских. Все прочитанное немало удивило и озадачило меня. Но, доведу до сведения читателей, там не было ничего утешительного, по крайней мере для покойного князя.

– Катенька, что там написано? – Шурочка изворачивалась всем телом, стараясь как можно больше прочитать, заглядывая через мое плечо.

Я быстро перевернула листы лицом вниз, чтобы Шурочка раньше времени не узнала сногшибательную и поразительно неприятную новость.

– Но, Кати, позволь же мне взглянуть. По-моему, я имею на это полное право, – обиделась подруга.

Однако мне нужно было подготовить Шурочку, прежде чем рассказать ей о том, что было написано в бумагах.

– Сашенька, ты только не волнуйся. Присядь, – попросила я.

Шурочка как-то странно улыбнулась, но просьбу мою выполнила и уселась на стоящий рядом стул.

– Ну, теперь рассказывай, – потребовала она.

– Дело в том, что по этим бумагам поместье Волевских уже несколько раз перезакладывалось. Последний срок выплаты долгов назначен до конца текущего месяца, – зная ранимость своей подруги, я старалась тщательно подбирать слова и выражения, чтобы сообщить ей эту неприятную, если можно так сказать, новость.

Несколько минут Шурочка молчала, во все глаза уставившись на меня. Я уже подумала, что она снова собирается упасть в обморок, и на всякий случай вышла из-за стола, чтобы поддержать ее. Однако подруга, к моему изумлению, грубо оттолкнула мою руку.

– Не надо. Ты же сама мне говорила, что нужно быть сильной. Вот я и буду самой сильной. Раз уж мне суждено узнать всю правду о моем бывшем женихе, то так тому и быть, – со смирением и оскорбленностью на лице произнесла Шурочка. – Больше там ничего не написано?

Я стала читать дальше, но, кроме следующих за свидетельством заклада имения цифр и каких-то подсчетов, больше ничего, представляющего интерес, не нашла.

И тут впервые за весь этот безумный день меня посетила мысль о самоубийстве князя. Однако я тут же отбросила это предположение. Во-первых, самоубийцы не стреляют себе прямо в лоб, скорее они стреляются или в висок, или, в крайнем случае, в рот. Мой покойный муж много рассказывал о таких безбожных людях, которые добровольно лишали себя жизни. Во-вторых, если уж князь действительно решил свести счеты с жизнью, то зачем, скажите, ему понадобилось жениться? Вот оно, как же все оказывается просто. Он вовсе не самоубийца, а жениться хотел, чтобы получить деньги и забрать имение из-под залога. Своих-то средств у него для этого, по всей вероятности, не было, иначе бы он давно уже все выкупил.

Возможно, сначала Волевский даже и не думал о браке, а приехал в Саратов немного развеяться, или еще по каким-то делам. Тут и подвернулась ему состоятельная Сашенька, одинокая, красивая. Стоило Волевскому немного поухаживать за ней, и она сразу кинулась в его объятия. Какой авантаж ждал князя при заключении брака с моей подругой! Одновременно он получал и солидное состояние, и красавицу жену.

Далее, уважаемый читатель, в повествовании моей глубокоуважаемой родственницы идет целый ряд французских выражений, которые, как я смог перевести, гневно обличали коварство и расчетливость убитого князя и выражали глубокое сочувствие к собственной обманутой подруге. Поэтому я опущу всю эту тираду и продолжу.

Я настолько была занята собственными открытиями, что сначала даже не заметила, что Сашенька окликает меня.

– Катенька, Малаша ужинать зовет, – мягко проговорила подруга, трогая меня за плечо.

– Сейчас пойдем, только осведомимся у Остапа насчет этих бумаг. Уж он-то точно должен знать, действительны эти сведения, или нет, – задумчиво отвечала я, все еще находясь во власти своих мыслей.

Мы быстро разыскали Остапа. Он сидел на кухне и наблюдал за тем, как носится взад и вперед с кастрюлями Малаша.

– Остап, – окликнула я его. – Пройди-ка в кабинет.

Остап тотчас поднялся и тяжелыми шагами пошел за мной.

– Чего-нибудь еще хотите знать, барышни? – проговорил он, заходя в кабинет.

– Остап, как идут дела в имении в последнее время? – осторожно поинтересовалась я.

– Хорошо, – откликнулся мужик. – А почему вы спрашиваете?

– Барин в последнее время не имел каких-то дел с судом? – продолжала выпытывать я, не отвечая на вопрос бурмистра.

– Господь с вами, барышня, – испугался крестьянин. – Какие могут быть дела у нас с судом.

– Так, понятно. А про закладные ты ничего не слышал?

Остап совсем испугался. Он посмотрел на меня, словно я сошла с ума, и отрицательно покачал головой.

– Не, барышня. Такого у нас отродясь не было.

Я поняла, что больше добиться от Остапа все равно ничего не удастся, поэтому поспешила отпустить его.

– Значит, Остап не знал о том, что Владимир заложил имение? – вопросительно взглянула на меня Шурочка.

– Выходит, не знал. Придется нам самим во всем разбираться.

– Хорошо, – кивнула подруга. – А теперь ужинать немедленно. Иначе тебя, Кати, скоро ветром начнет уносить, – Сашенька, когда была чем-то озабочена или расстроена, всегда называла меня на французский манер.

Только сейчас, при словах о еде, мой желудок, наконец, дал о себе знать. Ужин оказался очень вкусным. Видно было, что Малаша всю старалась угодить невесте своего бывшего хозяина. От нее мы узнали, что из деревни уже привезен гроб для князя. Похороны должны были состояться на следующий день, после того как Остап привезет попа, чтобы по всем правилам православной церкви отпеть убиенного князя.

Мне почему-то не хотелось присутствовать на похоронах, и я судорожно искала предлог, чтобы избежать столь неприятных для любого человека минут. Весь вечер я думала о том, что хорошо бы было уехать куда-нибудь. С другой стороны, мне вовсе не хотелось покидать мою подругу. Шурочка просто обязана была присутствовать на похоронах, как бывшая невеста князя. Значит, нужно было придумать неоспоримый предлог, по которому стало бы просто необходимо мне отлучиться ненадолго, но по очень важному делу. Вот только это важное дело никак не приходило мне на ум. Мои мучения продолжались до тех пор, пока я не вспомнила о разговоре с Остапом о друге покойного князя, к которому ездил Волевский перед своей смертью.

– Шурочка, мне бы хотелось посетить ту самую деревню, куда ездил Владимир перед своей гибелью. Кажется, Бухатовка она называется. Я почти уверена в том, что этот визит принесет в нашем расследовании немалую пользу.

– Конечно, конечно, – неожиданно для меня кивнула подруга. – Сразу после похорон и поедем.

– Лучше делать все без промедлений. К тому же я не так уж и хорошо знала князя Волевского, чтобы присутствовать на его похоронах. Много времени моя поездка не займет.

К моему облегчению, Сашеньку даже не пришлось уговаривать остаться на время в Синодском, пока я не вернусь из Бухатовки. Она с пониманием отнеслась к моему отвращению к похоронам, возможно, вспомнив, что я совсем

недавно потеряла мужа, и траурная церемония вызовет в моей душе печальные воспоминания.

Рано утром, когда я, отдохнувшая и посвежевшая, вышла на крыльцо, Степан уже закладывал карету. Еще с вечера я сообщила моему кучеру, что на следующий день мы отправляемся в Бухатовку. Степан, впрочем, как это и всегда бывало, только кивнул и пообещал к утру приготовить все для дальней дороги. Не приходится сомневаться, что он с блеском выполнил свое обещание.

Сашенька вышла проводить меня, и потом долго махала платком, стоя на крыльце, вслед моей удаляющейся по пыльной дороге карете.

Бухатовка – деревня князей Бушковых, как на поверку оказалось, была вовсе не так далеко, как расписывал нам Остап. Верст десять—пятнадцать, не больше. Причем находилась она, так же, как и Синодское, на берегу все той же речки Терешки, вниз по течению.

Так что к вечеру на горизонте моему взору открылись похожие на муравьев маленькие избы крестьян Бухатовки. Немного дальше виднелась большая ухабистая дорога, которая, как я узнала от местного населения, вела напрямик к барской усадьбе.

Поместье Бушковых не имело той величественности, какой обладала усадьба Волевского. Но, тем не менее, при первом же взгляде на барский дом никто бы не усомнился, что строили его на века. Прямо перед огромным подъездным крыльцом бегала взад и вперед дворовая девка. Создавалось впечатление, что она то ли кого-то ловит, то ли от кого-то прячется. Однако когда я вышла из кареты, то увидела, что девка попросту пытается увернуться от летящих в нее полугнилых яблок. Одно из таких яблок упало прямо к моим ногам.

Трудно представить мое удивление, когда я поняла, что метателем столь заурядных в наших краях плодов является ветхая старушка в черном гипюровом чепце на седых волосах. В руках старушка держала небольшую лоханку, в которой находились эти злополучные яблоки. Мало того, что «премилая» женщина совсем неподобающим образом швырялась яблоками, она еще при этом и ругалась не хуже деревенского мужика. Мне от всей этой живописной картины стало не по себе. Бывают такие ситуации, когда не знаешь, убежать или остаться. Вот и со мной в тот момент происходило нечто похожее.

Отшвыряв все содержимое лоханки, барыня – княгиня Бушкова (а это, как оказалось в дальнейшем, была именно она) – наконец, обратила свой взор на меня. При этом на лице ее появилась такая радушная улыбка, как будто всего минуту назад она вела светскую беседу, а не избивала полугнилыми плодами несчастную девку.

– Милости прошу. Всегда рады гостям, – прошамкала старуха. – С кем имею честь беседовать? – вдруг она осеклась, видимо, заметив все еще сохранявшееся на моем лице выражение величайшего удивления. – Простите, ради бога, за то, что вам пришлось лицезреть столь неприятный момент. Однако поймите и меня, душенька, приказала Дуньке сделать яблочную наливку, а та вместо сочных плодов притащила полугнилые. И как справиться с этим глупым народом, – деланно вздохнула она.

Мне ничего более не оставалось, как только вежливо кивнуть, хотя я до сих пор и придерживаюсь того мнения, что ни при каких обстоятельствах не следует применять физических наказаний в отношении дворовых слуг.

– Пойдемте со мной в дом, душенька. Устали с дороги? Сейчас отдохнете. Дунька! – крикнула она, обращаясь к наказанной крестьянке. – Ужин в столовую немедленно! Понятно?

Дунька поднялась с земли, отряхнулась, испуганно кивнула и со всех ног ринулась в дом.

Как я уже сказала, барыню звали Мария Леопольдовна Бушкова. Она оказалась бабушкой того самого Артемия Валерьевича Бушкова – друга убитого князя Волевского, о котором рассказывал нам Остап. Несмотря на притворство, Мария Леопольдовна по характеру была довольно словоохотливой женщиной и не замолкала в течение всего времени, пока провожала меня в столовую усадьбы. Когда помещица узнала о том, что я совсем недавно приехала из Саратова, то тут же засыпала меня вопросами о последних событиях в городе. В результате мне пришлось не менее получаса припоминать обо всех саратовских происшествиях за последние несколько недель до моего отъезда.

Мария Леопольдовна, в свою очередь, посетовала, как это обычно любят делать пожилые женщины, на старость, на болезни и на отсутствие чьей-либо поддержки на склоне лет.

– А где же ваш внук? – осторожно поинтересовалась я, когда ужин был подан, и мы уселись за стол. – Вы же, кажется, упомянули о том, что у вас есть внук, почему же он не заботится о вас?

– Заботиться, заботиться, – поспешила заверить меня княгиня. – Просто Темушка еще вчера поутру уехал в Саратов.

У него там очень срочные дела, ведь скоро мой внук женится, – с какой-то фальшивой улыбкой на сморщенном лице сообщила Мария Леопольдовна.

У меня вообще сложилось впечатление, что Мария Леопольдовна Бушкова женщина не совсем искренняя, так как в каждом ее слове неуловимо прослеживались какие-то фальшивые, или скорее, даже лживые нотки. Но, возможно, это только мое не совсем верное мнение. Во всяком случае, дальнейшие наши встречи, к счастью, никак не подтвердили моего первого впечатления о княгине.

– Правда? – я с большим интересом посмотрела на свою собеседницу. – В таком случае сожалею, что не смогла застать вашего внука, иначе бы непременно передала ему свои поздравления.

– Благодарю вас, голубушка, – отвечала старуха и томно вздохнула. – Хотя, честно признаться, я против этой женитьбы. В наши времена, что ни говори, а такого не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/arsan-ev_aleksandr/ubiystvo-na-dueli

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)